

Двое принцев томились под замком, третий отродясь не отличался умом, а единственный законный наследник находился на далёких западных рубежах — у императора действительно имелись веские причины для беспокойства. К счастью, хотя война в Сицзяне продолжала полыхать, прибытие Цзи Ло принесло те самые плоды, на которые они рассчитывали. Его появление вдохнуло жизнь в пограничную армию, мгновенно сплотив воинов Великой Чжоу. Когда наследник престола делит с тобой тяготы походной жизни и готов принять смерть в одном строю — разве может что-то сильнее разжечь боевой дух?

Однако небывалый подъём в рядах императорских войск спровоцировал отчаянное сопротивление со стороны врага. Едва достигнув Сицзяна, Цзи Ло сошёлся с армией Сижунуа в первом пробном бою, прощупывая силы противника.

Возглавлявшему войска жунов третьему принцу Хуянь Лу тоже приходилось несладко. Нынешнее вторжение действительно началось из-за внутренней смуты в Сижуне, как и предполагал Хан Сиэнь.

На сей раз Хуянь Лу, что называется, погнался за наживой, да сам себя перехитрил. Пользуясь тем, что правитель Сижунуа занемог, а его сыновья сосредоточили всё внимание на борьбе за престол в столице, принц тайно отправился на границу, рассчитывая переманить на свою сторону армейских чинов. Но стоило ему укрепить свои позиции, как на пути встал Хан Сиэнь — настоящий кошмар во плоти, который мгновенно раскрыл его личность и разгласил тайну на весь мир.

Изначально Хуянь Лу планировал втянуть в свои интриги пятого принца Цзи Хуая. Заполучив на того компромат, он надеялся разжечь междоусобицу внутри Великой Чжоу и тем самым отвлечь внимание собственных братьев от своей персоны. Однако Цзи Хуай, пусть и враждовал с Хан Сиэнем, отличался крайней осторожностью и не поддавался на уловки.

Положение усугубилось ранением Великого генерала Ухэ — главной опоры Хуянь Лу. Стоило слухам о его покалеченном запястье распространиться, как соперники принца ухватились за этот повод и добились немедленного отзыва полководца с западных рубежей обратно в столицу Сижунуа.

Чтобы окончательно вставить Хуянь Лу палки в колёса, другие фракции воспользовались уходом Ухэ и вмешались в дела на границе. Опасаясь, что третий принц тайно сговорится с Великой Чжоу, первый и второй принцы Сижунуа решили действовать на опережение. Они подослали своих людей, которые спровоцировали пограничный конфликт из-за сущих пустяков. Это фактически лишило Хуянь Лу путей к отступлению.

Оказавшись в ловушке, Хуянь Лу понял, что мосты сожжены. Он решил пойти ва-банк и использовать этот кризис, чтобы полностью подчинить себе пограничную армию. На протяжении всего противостояния он стискивал зубы и держался до последнего — ведь бежать ему было некуда. Впрочем, как и Цзи Ло.

Единственное, на что сейчас уповал Хуянь Лу, — это чтобы престарелый отец удержался на

краю могилы до тех пор, пока сам он не вернётся в столицу с триумфальной победой.

Какие бы планы ни строил соперник, Цзи Ло знал наверняка: путь к трону Сижуну в этой жизни станет для Хуянь Лу куда более тернистым, чем в прошлой. Тогда западная армия поддерживала его тайно, теперь же карты были раскрыты, а силы пограничных войск изрядно истощены. К тому же сам Цзи Ло собирался приложить все усилия, чтобы связать врага по рукам и ногам на поле боя.

Едва успев перевести дух по прибытии на границу, Цзи Ло подробно изложил свои соображения в донесении и отправил его с гонцом в столицу. Каждая строчка его доклада дышала непоколебимой уверенностью и воинственным азартом.

Получив послание наследника, император воспрянул духом. Мрачные мысли, терзавшие его в последнее время, отступили перед столь обнадеживающими вестями. Придворные сановники, чутко уловив настроение владыки, наперебой принялись расточать хвалу доблести и мужеству наследного принца.

Впрочем, проницательные чиновники подметили, что государь ни словом не обмолвился о воинах, некогда пропавших без вести на западной границе. Причин для такого молчания могло быть две. Либо поиски ещё продолжались, и раскрывать карты перед Сижуну было нельзя, дабы не подвергать выживших опасности, либо эти люди уже сгинули в плену или пали в бою, и в столь шаткое время лишний раз беречь раны не стоило.

Как бы то ни было, для некоторых придворных интриганов любое развитие событий казалось благом и открывало заманчивые перспективы.

Вести с западных рубежей летели в столицу одна за другой, подобно снежным хлопьям. И хотя к моменту доставки донесения успевали устареть, император каждый день читал их с замиранием сердца.

Вражда между Хуянь Лу и Цзи Ло окончательно переросла в безжалостную войну на уничтожение. Прямые столкновения уступили место коварным уловкам и диверсиям. В докладах, поступавших во дворец, пестрели сообщения о грязных приёмах: то жуны пытались отравлять колодцы Великой Чжоу, то императорские войска, уловив попутный ветер, пускали пал на вражеские лагеря, сжигая дотла запасы фуража и лишая противника коней.

Противники стояли друг друга, и их изощрённое противостояние держало весь двор в постоянном напряжении. К счастью, несмотря на все покушения, Цзи Ло оставался невредим. Он стойко держался во главе армии, служа для своих воинов путеводным маяком.

Государь ежедневно созывал Военное министерство для обсуждения положения на фронте. Хан Сиэнь, чьё хрупкое телосложение делало его на вид слабее любого столичного книжника, неизменно присутствовал на этих советах. И чины министерства, и сам император сходились во мнении: если так пойдёт и дальше, победа Великой Чжоу над Сижуну станет лишь вопросом времени.

Из-за подковерной борьбы принцев в столице жунов снабжение пограничной армии Сижуну трещало по швам. Для Хуянь Лу это было самым уязвимым местом. Стоило войскам Великой Чжоу продержаться до того момента, когда у врага окончательно закончатся припасы, и исход кампании был бы предрешён.

Эти выводы наполняли сердце правителя гордостью. Жуны испокон веков славились вероломством и беспрестанно досаждали набегами на приграничные земли. Если Цзи Ло сумеет разгромить их наголову и внушить такой страх, что они и думать забудут о набегах, имя наследника будет вписано в анналы истории золотыми буквами.

Его чаяния разделяли и большинство вельмож. Как бы яростно они ни враждовали между собой в стенах дворца, победы родного государства радовали каждого. А уж то, как делить награды после триумфа и кто урвёт себе кусок пожирнее, было делом последующих внутренних распрей.

В последующие два месяца чаша весов колебалась, но превосходство Великой Чжоу становилось всё очевиднее. Когда же караваны с провизией из глубин Сижуну совсем перестали приходить, Цзи Ло перешёл в стремительное наступление. Его войска ворвались на вражескую территорию и одним махом захватили три крепости, одержав сокрушительную победу.

Когда весть о триумфе долетела до столицы, город захлестнула волна ликования.

И лишь Хан Сиэнь не разделял всеобщего восторга, храня мрачное молчание. О судьбе Левого авангарда под началом Великого генерала Бая по-прежнему ничего не было известно, а в победных релияциях Цзи Ло ни разу не упоминалось имя Бай Шу.

Бай Шу обладал исключительным мастерством, и если бы он участвовал в битвах, его клинок собрал бы обильную жатву среди врагов. За столько времени, как бы сильно Цзи Ло ни пытался скрыть его присутствие, слава о столь грозном воине неминуемо разнеслась бы по лагерю.

Простые солдаты превыше всего чтят отвагу и боготворят героев — утаить такие подвиги невозможно.

Напрашивался лишь один вывод: Бай Шу тайно отправился на поиски пропавшего отца и до сих пор шёл по его следу.

Подобное невозможно скрывать вечно. Хуянь Лу, стремясь выгадать для себя хоть какое-то преимущество, наверняка тоже разослал ищек по следу пропавшего отряда. Теперь всё зависело от того, кто первым обнаружит укрытие Великого генерала Бая.

Попади ветераны Левого авангарда в руки врага, и ситуация для Цзи Ло обернулась бы катастрофой. В этой жизни наследный принц твёрдо решил держаться от Бая Вэньхана на расстоянии, но тот, словно засевшая глубоко в плоти заноза, то и дело напоминал о себе, не

позволяя вычеркнуть своё имя из мыслей.

Подобный исход стал бы наихудшим сценарием. Император знал о странном покровительстве наследника над генералом Баем, но полагал, что Цзи Ло просто ценит его прямоту и верность долгу. Государю были неведомы те сложные, запутанные узы, что связывали этих двоих в прошлой жизни, а потому он со спокойной душой вычеркнул пропавшего генерала из своих забот.

На войне не бывает без жертв — таков был негласный закон престола. Генерал Бай — смертный человек, и если он пал на поле боя, его память всегда можно почтить посмертными почестями и щедрыми дарами для семьи.

На третий месяц после прибытия наследного принца на передовую предчувствия Хан Сиэня оправдались с пугающей точностью. Спешный гонец доставил в столицу очередное донесение. Император распечатывал свиток в приподнятом настроении, предвкушая весть о скором и окончательном триумфе, ведь зажатые в тиски жуны едва сводили концы с концами.

Бедные земли Сижуня не могли прокормить собственное войско, а лишившись подвоза припасов, они держались лишь на чистом упрямстве. В своих грёзах правитель Великой Чжоу уже видел, как кочевники склоняют головы и молят о пощаде.

Однако присланный документ принёс не радость, а тревогу. Донесение, составленное Великим генералом Лю Хучэном, гласило: во время преследования отступающего Хуянь Лу дозорные наследного принца обнаружили лагерь Бая Вэньхана на Горе Павшего Феникса, что находилась уже на сопредельной стороне. К несчастью, жуны тоже заметили пропавший отряд, причём вражеские силы оказались куда ближе к беглецам.

Наследник поспешил отправить вестового к Лю Хучэну, а сам, не теряя драгоценных мгновений, ринулся на выручку. Получив известие, Лю Хучэн немедленно поднял полки и поспешил к Горе Павшего Феникса. Но к тому моменту, как подмога добралась до места столкновения, ни наследного принца, ни отрядов Хуянь Лу там уже не было.

Лю Хучэну не оставалось ничего другого, кроме как развернуть поисковую операцию и спешно направить вестника в столицу.

О том, что произошло дальше, не сообщалось ничего.

Едва дочитав до конца, император побледнел, схватился за грудь и зашёлся в приступе надрывного кашля. В тронном зале повисла мёртвая тишина — казалось, было слышно, как падает пылинка. С трудом переведя дыхание, разгневанный владыка швырнул свиток в лицо коленопреклонённому гонцу и прохрипел:

— Передай Лю Хучэну: если он не вернёт мне наследника живым, пусть сам лишается головы!

Гонец испуганно припал лбом к холодному полу, торопливо принимая приказ.

Тяжело дыша, император бросил короткий взгляд на евнуха Юань Бао, и тот зычным голосом объявил об окончании собрания.

Придворные переглянулись в немом смятении и начали бесшумно расходиться. Хан Сиэнь не стал возвращаться в своё поместье, решив вместо этого последовать за государем в его покои.

Покинув залу, император сразу же направился в свой кабинет. Встревоженный непрекращающимся кашлем государя, Юань Бао поспешил послать за лекарем Чжоу. К тому моменту, как Хан Сиэнь переступил порог кабинета, придворный врачеватель уже сосредоточенно держал пальцы на запястье правителя, слушая его пульс.

Выписав несколько целебных отваров, лекарь Чжоу отозвал Юань Бао в сторону и принялся вполголоса давать ему наставления. Суть его слов сводилась к одному: государь глубоко уязвлён душевной тревогой, и любые новые переживания могут стать для него роковыми.

Слушая его, Юань Бао мог лишь мысленно горько усмехаться. Наследник престола пропал без вести в самом пекле войны, как в такой час уберечь сердце отца от мучительных забот?

Когда лекарь удалился, Хан Сиэнь подошёл ближе и негромко заговорил:

— Ваше Величество, донесение генерала Лю было отправлено в самый разгар поисков. Дорога от Сицзяна до столицы занимает немало времени, и за эти дни ситуация наверняка разрешилась. Великий генерал Лю уже должен был вызволить наследника, так что не изнуряйте себя напрасной тревогой.

Император устало покачал головой. На его осунувшемся лице не осталось и следа прежней решимости.

— Ты ведь сам читал, — глухо отозвался он. — Наследник пересёк границу Сижуня. Хорошо, если весть об отряде генерала Бая была правдивой. Но если Хуань Лу намеренно заманил его в ловушку, боюсь, в этот раз беды не миновать.

Хан Сиэнь опустил ресницы, сохраняя бесстрастный вид.

— Раз наследник решился на такой шаг, значит, пограничные земли врага уже находились под его плотным контролем. У Хуань Лу не осталось сил для крупного удара — за последние месяцы его войско было обескровлено. Он не сможет переломить ход войны.

— Будем надеяться, — вздохнул государь и после недолгого раздумья добавил: — Как думаешь, Хан Сиэнь, не стоит ли мне, пока положение не сделалось совсем отчаянным, отправить послов напрямую в столицу Сижуня?

Лицо маркиза не дрогнуло, во взгляде не отразилось ни единой эмоции.

— Вашему слуге понятна тревога Вашего Величества, — ровным тоном произнёс он. — Однако отправка послов в столь переломный момент будет воспринята как просьба о мире. Если наследник невредим, этот шаг лишит нас всех преимуществ. Цзи Ло потому и углубился на земли жунов, чтобы раз и навсегда обезопасить наши рубежи от будущих набегов. Позвольте дать совет, Ваше Величество: подождите ещё несколько дней. Мы примем решение, когда получим достоверные вести.

Взглянув на непоколебимое спокойствие собеседника, император почувствовал, как отступает паника. «Я совсем потерял голову от страха, — горько подумал он. — Сейчас, когда тучи сгущаются, именно мне надлежит сохранять ясность ума».

Государь выпрямился, и в его взоре вновь промелькнула былая властность.

— Маркиз Вечного Покоя, слушай мой указ.

Хан Сиэнь застыл перед столом. Император прищурился, в упор глядя на него:

— Пока судьба наследника окутана тайной, в столице неизбежно зашевелиятся смутьяны. Я поручаю тебе неусыпно следить за порядком. Если уловить хоть малейший намёк на измену — хватай зачинщиков без промедления. И мне неважно, насколько знатным окажется предатель.

— Ваш слуга повинуется, — отозвался Хан Сиэнь, склонив голову.

Исчезновение Цзи Ло поначалу удавалось скрывать от широких кругов, но через полмесяца по столице поползли смутные слухи. В кулуарах дворца воцарилось тревожное оживление. Сановники перешёптывались, сходясь во мнении, что за столь долгий срок наследный принц едва ли мог уцелеть.

Из глухих углов тут же выползли старые амбиции. Если трон опустеет, чья голова увенчается короной? Взоры заговорщиков обратились на Первого принца Цзи Фаня — единственного из оставшихся в столице сыновей императора, чья репутация пока оставалась незапятнанной. В одночасье он превратился в самую желанную фигуру на политической доске.

Первыми не выдержали в поместье герцога Хань. Задействовав тайные лавки и запутав следы через подставных лиц, люди герцогского дома попытались передать секретное послание заточённому под домашний арест пятому принцу Цзи Хуаю, запекши записку в обыкновенный паровой хлебец.

Вот только корзине с угощением не суждено было дойти до адресата. Прежде чем слуга успел

переступить порог усадьбы принца, дорогу ему преградил Хан Сиэнь со своими гвардейцами.

<http://bllate.org/book/20088/2002109>